

¹⁰⁰ Шмидт П.Ю. Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905. С. 76.

¹⁰¹ Аннерт Э.Э. Путешествие на восточное побережье Русского Сахалина в 1907 г. СПб., 1908. С. 7.

¹⁰² Алтатов Л. Сахалин: путевые записки этнографа. М., 1980. С. 46, 50, 75, 87.

¹⁰³ Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина.... С. 51–56.

¹⁰⁴ Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях... С. 48.

¹⁰⁵ Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975; Арутюнов С.А., Шебеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992.

L.I. M i s s o n o v a. The Uilta of Sakhalin: Main Research Issues

The main research issues of the Uilta (Oroks) of Sakhalin (Nogliki and Poronai rayons) are discussed. The Uilta are known for the researchers since 1630s, but only during the recent decades, an active research has started. The historiography of the Uilta demonstrates that they were studied mainly within the framework of Tungus-Manchu peoples research, or as a part of Sakhalin ethnic situation. Many issues related to their origin, settlement, relations among different clans, and historical demography etc. stay unresolved.

© 2002 г., ЭО, № 5

Г.В. Ц у л я я

ИЗ КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ ГРУЗИНСКОГО ОНОМАСТИКОНА

Еще Н.Я. Марр, труды которого по общим и частным вопросам кавказоведения для науки, к сожалению, едва ли не основательно забыты специалистами, писал, что ономастикон «кавказских народов совершенно не разработан. Между тем личные имена имеют открыть нам целую, притом наиболее живую страницу в истории кавказских народностей. Имена не только народного происхождения, но и наносные с усвоенным извне исповеданием или просвещением только и способны нам поведать кое-что любопытное и по прошлому книжно-культурных народов, обладающих письменностью и национальной историографией»¹. И действительно, антропонимы нередко предоставляют информацию, порой достойную соперничать со сведениями нарративных источников.

Однако эта область источниковедения отстает и сегодня, спустя почти сто лет после публикации российским ученым труда, цитата из которого приведена выше. До сих пор мы не имеем систематизированного антропонимического толкового словаря ни по одному из народов Кавказа².

Нам уже неоднократно приходилось говорить, например, о грузинском имени лексически абхазского происхождения *Лаица*, восходящего к XII в., проливающего свет на этнокультурную историю древних абхазов (в их узко этническом понимании), в грузинских источниках названных однажды (но надежно) *апсарями*. Благодаря этим материалам очевидна и роль грузин в христианизации этого народа, так и не доведенной в свое время до логического завершения из-за негативных последствий иноземных завоеваний, приведших в эпоху монгольского господства и далее в течение веков к примитивизации всего многоплеменного населения Восточного Причерноморья.

Что же касается племени апсаров, то в специальной литературе было высказано мнение, что «термин апсары является того же корня, что и апсилы и самоназвание абхазов апсуа»³. Того же мнения придерживался и Х.С. Бгажба, не сомневавшийся в том, что племенное название апсил имеет ту же основу, что и современное само-

название абхазов – апсуа, данное племенное название, но в ином оформлении – апсар – встречается у древнегрузинского историка⁴.

В принципе с этой уверенно высказанной авторами догадкой можно считаться. Но здесь имеется одна существенная частности, которая вызывает у меня мысль, что *апсары* и *апсилы* представляли собой два разных, но генетически родственных племени (ср. те же *апсилы* и *абазги*). В Восточной Грузии (историческая Картли-Иберия), где создавалась названная летопись, хорошо отличали апсаров от апшилов. Именно здесь сказано: «Кhalakhi Aphshilēthica da Aphxazetisa Sxumi» («Город Апшилии и Абхазии Цхуми») ⁵. Если автор этих строк (представляющий определенный общественный круг тогдашней Восточной Грузии) знал страну Апшилию, то он, естественно, не мог не знать апшилов, давших своей стране свое собственное название. Одним словом, остается повторить, что грузинские летописцы вполне могли отличить апсаров от апшилов-апсилы. А в Западной Грузии апсары были забыты в результате их ассимиляции с картвелами в процессе христианизации. Вместе с тем, до наших времен сохранился этноним *апшила* в корне мегрельской фамилии Апшил-ава, населяющей большую часть этнографической Мегрелии⁶. Одним словом, перед нами – один из тех случаев, когда антропонимический материал успешно соперничает с данными письменных источников.

Продолжая приведенное высказывание Н.Я. Марра, заметим факты, корректирующие мысль ученого. В цитированной статье Н.Я. Марр пишет: «Чрезвычайно любопытно, что существует абхазская фамилия аланского происхождения в мингрельской форме *Alania*»⁷. Но дело в том, что Н.Я. Марр писал свое сочинение до выхода в свет работы его ученика И.Кипшидзе «Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем», опубликованной в Санкт-Петербурге лишь в 1914 г. в серии «Материалы по яфетическому языкознанию». Из нее мы узнаем, что в мегрельском существовало слово «алан» в качестве эпитета сильного человека. Так мегрелы именовали карачаевцев⁸. Так что абхазская фамилия Алания антропонимически, как и многие другие, раздвоена между мегрелами и абхазами⁹: собственно абхазская форма представляет собой просто этноним – «Алан». Из мегрельского в абхазскую среду проникла также фамилия этнонимического характера *Осиа*, связанная с грузинским названием осетин, в собственно абхазской среде оформленная в виде *Озба*. Абхазское наименование сванов *ашьануа* легло в идентично звучащую абхазскую фамилию. Ср. мегрельск. *Шониа* – фамилия из мегрельского названия сванов. Аналогичным путем образовались и этнонимические фамилии *Лазба* и *Чанба*, в корне которых лежат этнические названия соответственно – *лаз* и *чан*¹⁰.

Вообще фамилии этнонимического происхождения на Кавказе, как и в других странах, – явление закономерное. Н.Я. Марр, очевидно, намеренно не делал исторических заключений, на первых порах занимаясь лишь сбором конкретного материала.

Одним словом, ономастика в целом – это та же самая летопись народов, но выраженная в лапидарных формах, и лишь через знание исторической ситуации, в которой возникли те или иные ее элементы, возможно более или менее адекватно ориентироваться в исторической ретроспективе.

Остановлюсь еще на примере решения с помощью антропонима одной из культурных проблем Северного Кавказа, в частности, Нартовского эпоса местных народов.

Специалисты затратили много усилий для того, чтобы создать так называемое «первоначальное ядро» Нартовского эпоса: вопрос этот упирался преимущественно в имя главного героя эпоса *Сослана* (в разных национальных вариантах снабженный своим антропонимическим формантом). Первоначально оно встречается на осетинской почве: так звали супруга грузинской царицы Тамар еще в бытность его в Алании задолго до женитьбы на грузинской правительнице, где он в свою очередь получил наиболее престижное здесь династическое имя Давид – *Сослан-Давид*. Еще в 1935 г. В.И. Абаев, сопоставляя кабардинский и осетинский варианты имен главных героев